

За час до начала финальной части турнира «Нью Нова» начальнику охраны западных секторов станции пришло уведомление. Звуковой шифр, слушая который человек на время утратил контроль над своими эмоциями. Но для уроженца государственного Дома Авин это было нормально.

Полученное сообщение вынуждало его идти. Накинув плащ и закрепив за пазухой четыре пистолета, авинец почувствовал себя уверенней. Прежде чем покинуть жилое помещение, мужчина отправил запрос одному из программеров станции и только затем направился в доки хранения.

Винсент Зой — авинец в самом расцвете сил, как это любят говорить незийцы. Авинцы же, как известно, говорить не умели. И не могли рассказать об особенности конкретно этого представителя своей расы, с рождения обладающего расширенным восприятием: радиус охвата его сонара мог достигать до трёхсот метров, и это пространство не могло укрыть от Винсента ни одной детали. Правда ему постоянно приходилось тренировать слух, чтобы превзойти сородичей и в этом, но слепой стрелок никогда об этом не распространялся. Да, именно по этим характеристикам год назад его и приняли на работу в отдел охраны. Впрочем, как и всегда.

Винсент любил слышать, что женщинам нравится его синеватый оттенок кожи, его длинные фиолетовые волосы и даже мёртвый цвет его глаз. Но сейчас, уловив отдалённое обсуждение его персоны двумя дамами, он испытал раздражение. Неужели так сложно вбить себе в голову, что слух у авинца гораздо лучше, чем у любого другого человека? Уж лучше бы они кричали, а не пытались скрыть свои замечания за бесполезным шушуканьем.

Пока охранник шёл в хранилище для персонала, сотни человек оказались в радиусе его восприятия или — как многие говорят — «в его облаке». Винсент ощутил сотни эмоций, почувствовал тысячи движений. Как светлячки во тьме, рябь на воде. Вон кто-то очень сильно хочет в туалет, кто-то в нетерпении предстоящего шоу, мужчина сожалеет, что перебрал вчера с выпивкой, а женщина ещё не потеряла надежду, что ей перезвонят. Ничего интересного. Были, правда, и те, кто излучали агрессию, но это в рамках азарта от предстоящего финала.

Новый начальник охраны добирается до нужного ему отделения и без проблем находит принадлежащую ему камеру хранения. Получает свой длинный прямоугольный футляр и уже с ним направляется на место назначения.

Ещё вчера организатор мобилизовал часть наёмной охраны на защиту одного из ремонтных секторов. Стрелок, не сомневаясь, что именно там требуются его навыки, вызвал таксодрон и уверенно задал место назначения. Оставалось только получить системный ключ доступа от программера, работающего в отделе логистики.

Пока средство перемещения набирало скорость, Винсент вспомнил о недавнем инциденте с инспектором безопасности. Он знал, что сожалеть о содеянном не стоило, ведь это всего лишь работа. Но всё же иногда ему хотелось вернуться в прошлое и не докладывать о присутствии своего сородича близ столь опасного сектора Z. Жив ли инспектор сейчас? Это уже не имеет значения, потому что логист присылает коды доступа к ремонтному ангару. Как раз вовремя. Пришло время побеспокоиться о собственной жизни.

Как и любой другой охранник, Винсент проник в закрытый сектор через подсобные помещения. Благо ключ доступа подошёл, и двери охотно расступались перед наёмником. Он шёл через запутанные коридоры, проходящие под ангаром, шёл к единственному скоплению людей, что располагались в центре наблюдения. Они наверняка уже давно заметили его

приближение и теперь ждали, пока начальник охраны западных секторов объяснит своё присутствие в восточной части станции. Авинец понимал, что они правы, и старался вести себя смиреннее, чем обычно.

В комнате было шестеро человек, и все они — наёмники высокого уровня. Винсент ощущал тепло мониторов, слышал лёгкое потрескивание визионов и ловил вибрации от волновых пушек, постоянно находящихся в состоянии готовности.

— Винс, тебя-таки сюда послали!? — звонкий голос принадлежит человеку с самыми яркими эмоциями. Хороший парень. Виртуозный стрелок.

Винсент кивает в ответ и проходит поближе к центру комнаты.

— Почему нас не предупредили? — хрипло спрашивает самый агрессивно настроенный наёмник, он не теряет бдительности ни на секунду, а его эмоции так и норовят ужалить летним оводом.

— Да ладно тебе, кэп, — снова звучит звонкий голос, — снайпер такого уровня лишним не будет.

Хороший он всё-таки малый — обладатель звонкого голоса — всегда добр к товарищам и предан нанимателю.

— Что ж он тогда сразу наверх не пошёл?

Авинец крепит на указательном пальце свой портативный блок и рисует в воздухе символ. Светящаяся руна не исчезает достаточно времени, чтобы желающие успели её прочесть.

«Пришёл отметить, на всякий случай. Узнать положение вещей».

— Так тебя просто послали, не объяснив, — хрип становится чуточку мягче, — в общих чертах взбрело нанимателю в голову хрень какая-то, вот мы тут все и маемся. Вчера тут построили навес, а сегодня разместили нас аккуратно под этим шалашом, чтобы мы следили за происходящим. Наверху ещё стрелковая группа — тебе, наверное, к ним надо: аккуратно под потолком разместишься, как ты и любишь. Недавно в ангар притащили кросса. Затем приехал жирный гость босса. Расправа, ясень пень. Тьфу, нет, чтобы всё по-человечески сделать. Короче, мы начеку наблюдаем за всеми трансляциями ангара. Если пленник вдруг начнёт рыпаться — мы врываемся наверх через этот люк и устраняем угрозу. Босс сейчас пошёл к входу в сектор: там что-то случилось, но пока это не наша забота. Ещё вопросы? Если нет, то отправляйся к лифту номер 337, он поднимет тебя к остальным.

Винсент кивает и направляется к лифту, но вдруг улавливает невероятно чистую эмоцию от одного из наёмников. Как там его звали? Ага, Сокку. Он же что-то говорил о беременности его девушки и о двойне.

Авинец сжимает плечо Сокку и рисует в воздухе символ.

«Поздравляю».

Счастливый отец улыбается, собираясь выразить свою признательность, но из рукава Винсента выстреливает игла и парализует папашу.

В следующий миг всё произошло слишком быстро, чтобы можно было даже испугаться. Авинец

ощущал всё, что наёмники делают или даже собирались сделать, но они не могли сказать того же по отношению к нему.

Слепой снайпер бросает свой футляр в хриплого, одновременно выхватывая пистолеты и крутнувшись на месте, производит десять выстрелов. На каждого по две пули. Никто не успел вовремя отреагировать. Центр управления из шести боевых единиц превратился в одного бессознательного папашу и пять трупов буквально за секунду.

Что ж, с наземной группой он разобрался — осталось подняться наверх.

Вернув себе футляр, Винсент таки отправился к лифту 337. Правда, нужную дверь нашёл только с третьей попытки, что заняло слишком много драгоценного времени. Оставалось только надеяться, что наниматель этого не узнает.

Когда же кабина потащила его наверх, стрелок раскрыл свой футляр и, выбрав наощупь нужный инструмент, стал складывать винтовку. Вероятно единственную винтовку без прицела и каких-либо датчиков обнаружения.

С самого начала работы на Блюса Элджейса Винсент знал, что этот момент настанет, но всё же готовым к нему назвать себя сейчас не мог. Год назад вместе с одним спец-программером авинец заключил договор о найме в связи с предстоящим турниром «Ню Нова». Но Блюс не знал, что снайпер и аналитик прибыли на станцию по приказу изначального нанимателя. Они были отправлены работать на станцию будущим участником турнира «Ню Нова». Они должны были в случае необходимости оказать участнику поддержку, предоставить информацию, помощь и защиту. И сегодня наниматель дал последние указания, после которых дальнейшее пребывание на станции становилось невозможным.

Винсента отвлекала мысль о том, что не следовало спасать организатора этим утром, но подобные мысли побуждали ненужные эмоции. А ненужные эмоции для него могли стать фатальной ошибкой...

Иола Лемис Григ приказал оказать поддержку участнику Уме Алактуму, и это значило, что сегодня же они будут вынуждены покинуть станцию. А авинец получит свой заслуженный транзитный билет на шестой уровень синтраж — оставалось только выжить.

Когда кабина лифта открылась, и Винсент ступил на передвижные леса, он понял, что чуть было не опоздал. Расширив зону своего восприятия — объём своего «облака» — стрелок «ощутил», что его цель попала в безнадёжное окружение врага. Винсент уже анализировал Уму раньше, он анализировал всех участников, и сейчас монах отличался от своего привычного состояния. Его свет, его эманации обрели мёртвенно бледный оттенок, холодный и отталкивающий. А рядом с монахом стоял кросс, и как некоторых кроссов авинец ощущал его наполовину зверем.

Времени не оставалось. Пока другие стрелки не обратили на предателя внимания, Винсент вскинул винтовку и снял одного из бойцов. Легко и просто, как пальцами щёлкнуть. Те, кто используют оружие дальнего боя, не могут использовать защитное излучение, иначе их же оружие не будет работать, поэтому многие предпочитают ближний бой, но с гарантией защиты от пуль. Считал ли авинец это глупым? Не важно, ведь второй боец спец чуть было не избежал попадания. А вот на третьего времени не хватило: Винсента заметил — ипод куполом разыгралась пьеса, где слова заменили пулями.

Выпустив из рук винтовку, авинец прыгнул на ближайшую балку, на лету выхватывая пистолеты и открывая огонь. Перепрыгивая с балки на балку, авинец не переставал стрелять,

каждую секунду зная, где находится противник, не переставал стрелять, пока первое тело не полетело вниз.

Осталось трое. Это ненадолго...

Под потолком ангара началась паника. Бегая по балкам и лесам, люди начали перестрелку с неизвестным спасителем: вспышки выстрелов, стук пуль по обшивке ангара, кто-то кричит, кто-то падает...

...Ягуар и змея из добычи превращаются в охотников...

Ума бросается на последнего бойца спец, но внезапно замирает вне зоны вражеской атаки и одним движением, сорвав с себя свою обожжённую и порванную рубу, бросает одежду в лицо врага. Монах тут же скользит в противоположную сторону, чтобы ворваться в ряды дроидов и поскорее с ними покончить.

Наёмник на секунду теряет противников из виду, и Кун пользуется моментом для атаки. Пока враг не отбил брошенную Умой рубу, хантер швыряет в него один из своих мечей. Человек не должен был уклониться, но улучшенные препаратами слух и рефлексy позволяют бойцу спец уйти с линии броска, на мгновение превращаясь в почти неуловимое для глаза размытое пятно.

Не останавливаться: со всей силы ударить вторым мечом. Наёмник блокирует удар дубинкой, но не получает ожидаемой отдачи: Кун в последний момент выпускает свой клинок из рук и использует секунду замешательства, чтобы впечатать свой локоть в бледное лицо врага. Зубы вперемешку с кровью летят на пол, боец спец теряет ещё одну секунду, и вот он уже задыхается в звериных объятиях кросса. Кун неспешно, капля за каплей выдавливает жизнь из врага. Картина до ужаса естественна и привычна. Потому что в процессе хантер не беспокоится о собственной борьбе, а наблюдает, как монах расправляется со стаей гомункулов.

Ума раскидывал дроидов, порхая от одной человекоподобной твари к другой, и юноша радовался моменту, он наслаждался боем, неспособный ни на секунду сдержать свою дурацкую улыбку. И в какой-то момент наблюдения за этой сценой, Кун Антис перестал видеть в монахе человека. Потому что на оголённой спине юноши плясало столь живое изображение королевской кобры. Татуировка жила: змея изгибалась, в своём манящем танце, то раскрывая, то складывая свой капюшон из мышц. Да, не человек — змей девяти искусств плавно и быстро жалил своего противника, не оставляя...

Наваждение схлынуло — человек в кошачьей хватке хантера перестал дышать, и Кун скидывает его с себя. Ума разрывал на части очередного робота, чтобы обрушить на его сородичей удары оторванной руки или ноги. Это был уже не бой. Монах просто добивал несчастных, голыми руками пробивая насквозь и снося головы.

Стрельба под потолком тоже подошла к концу. Кажется, это была победа. Но наблюдавший за всем Блус Элджейс — советник станции и по совместительству организатор турнира — не двинулся с места. Не ретировался, пока был такой шанс. Не стал убегать с собственной территории. Можно было решить, что его невозмутимое лицо лжёт, но глаза не лгали: в глазах не было ни капли страха или отчаяния проигравшего человека.

И секундой позже становится ясно, почему...

Под навесом в окружении трёх мёртвых тел, обхватив руками голову и неспешно раскачиваясь взад-вперёд, сидел мальчишка. Сложно было сказать, о чём думает ребёнок. Мальчишка-раб просто шептал что-то себе под нос, и многие бы приняли его состояние за шок. Да что там говорить, почти все бы приняли это за шок. Да. Кроме опытных психиатров.

Когда снаружи затихли звуки боя, ребёнок остановил поток своей мысли и решил покинуть навес: всё равно мнимое чувство безопасности не имело ничего общего с реальностью.

В просторном ангаре слегка пахло гарью. Мальчишка сразу разделил присутствующих в ангаре на живых и мёртвых. То тут, то там валяются тела — мёртвые. Полуголый незеец с длинной косой, в ожогах, порезах и ссадинах, он — живой, стоит среди обломков дроидов — мёртвых. Кросс-хантер блестит от пота и крови — живой, смотрит на высокого мужчину в клетчатом пиджаке — живого. И кто-то ещё сверху, раб не видит, но знает, что там есть — живой.

Участники пышут жаром и кровожадно смотрят на организатора. Организатор нажимает что-то на своём запястье, и положение дел меняется. Меняется настолько, что мальчишка сожалеет, что покинул навес.

Из-под пола ангара вырываются три огромных металлических шара. Они со скрежетом катятся по направлению к живым, чтобы окружить участников, и преобразиться в боевую форму. Шары распускаются бутонами остроконечных лепестков и превращаются в трёх огромных (с человеческий рост) паукообразных машин для убийства.

Дроны ранга С, класса «чистильщик», с огневой мощностью достаточной, чтобы уничтожить штурмовой отряд Дозора.

Кажется, кто-то из участников выругался.

Ведущий организатор Блюс спокоен, потому что три боевые машины окружили зарвавшихся участников. Змей и ягуар попали в сети гигантских пауков. Блюс отходит к стене, поближе к выходу, чтобы в случае чего не попасть под удар своих же игрушек.

Кун крепче сжимает рукояти своих серповидных клинков. Ума косится на торчащий из пола меч «жнец». Но первым делает шаг слепой авинец Винсент Зой, по звуковым волнам определив положение угрозы и достав из своего футляра бронебойную винтовку, он, не колеблясь, нажимает на курок.

Один из «чистильщиков» пищит, когда пуля пробивает его обшивку, но тут же стреляет в ответ. Этого снайпер никак не ожидал: в него летит противопехотная наземная ракета. Авинец хватает свой футляр, и прыгает с лесов. Под потолком раскрывается алый бутон пламени.

«Давай же, где-то здесь». Винсент в последний момент успевает ощутить колебания троса и хватается за него, сдирая свою ладонь в кровь.

— Ракеты, мышь его, ракеты! — непонятно к кому обращается Ума и прыгает к своему мечу.

Кун бросается в атаку.

Хантер катится, избегая бронебойных игл, способных пробить человека насквозь. Над ним

пролетает ракета. Кун прыгает. Взрывная волна швыряет его к дрону.

Ума вытаскивает меч из пола и прикрывается им от взрыва, затем швыряет «жнеца» на пол и, запрыгнув на него, скользит по направлению к двум другим машинам.

Хантер, по инерции полёта, бьёт двумя мечами по одной из ног паука. Конечность болезненно подкашивается, и дрон недовольно гудит.

В Уму летит заряд. Монах с безумием в глазах уклоняется от ракеты и инстинктивно хватается её рукой. Мышцы трещат, но юноша умудряется крутануться и перенаправить заряд в другого дрона.

Кун блокирует удар механической лапы — удар выбивает его мечи.

Перенаправленный заряд разрывает уже раненного авинцем «чистильщика».

Хантер хватается раненую конечность паукообразной твари и отрывает её.

Ума швыряет свой меч в последнего боевого робота.

Кун пробивает оторванной лапой дрона насквозь.

«Жнец» пронзает «чистильщика».

Тишина, только тяжёлое дыхание, и затихающее гудение умирающих машин.

Блюс Элджейс, потеряв последние капли самообладания, выхватывает пистолет и безостановочно стреляет в монаха. Безуспешно. Пули облетают юношу по искажённой траектории защитного поля. А советник всё стреляет, стреляет: раз, другой, третий. Это спасает его лицо от каких-либо эмоций. Стреляет, пока Ума медленно приближается. Раз за разом нажимает на курок, чтобы услышать приглушённый свистящий звук выстрела. Стреляет, просто потому что больше ему ничего не остаётся. Стреляет, пока кулак монаха не впечатывает его в стену.

Лицо — сплошной кусок боли. Мир — тошнотворное кружение. Звуки — нестерпимый звон голосов.

— Что будем делать? — кажется, это голос юноши.

— Его нельзя оставлять в живых, — отвечает неприятный хриплый голос кросса, — он нам этого не простит, особенно, если мы его пощадим.

— Ну не знаю... ладно, он не святой — знал, на что идёт, когда связывался с бароном. Только ты это... сам: мне он не интересен.

— Кстати, как ты создал грави-магнитное искажение без устройств? — шаги кросса всё ближе.

— Это всё татуировка: секрет монастыря.

Блюс чувствует, что к нему кто-то подошёл.

— Ничего личного, организатор, просто...

— Ой да ладно! — не выдерживает монах, — обязательно нужно было толкнуть предсмертную

речь, или как там это называется? Просто убей его уже, и пойдём.

— Боюсь, я не могу вам позволить этого сделать. — Третий, посторонний голос даёт организатору отсрочку. Советник с трудом открывает глаза и видит, как с коридора заходит невысокий рыжеволосый человек.

— Ч-что, с Энди? — шепчет приговорённый к смерти, но Кристо его не слышит.

— Он спрашивает: что с Энди!? — кричит Ума, чтобы услышали все.

— А, тот телепат? Он жив. Поспит некоторое время. Будет знать, как в мозгах офицера копать. Доставил же он мне хлопот, чес слово, даже не ожидал.

Обстановка заново накаляется. Участники не знают, что и предпринять, поэтому начинают с вопроса:

— Судья Кристо, что Вы намереваетесь делать?

— Ну, я собираюсь остановить бывших участников турнира от убийства ещё действующего организатора, а затем привлечь всех присутствующих к суду.

— Это не работает, Вы же знаете. Если оставить его в живых — мы с Вами живыми со станции не уйдём.

— Не важно. Думаете, что меня можно так просто убить? Лучше отойдите в сторонку, пока я добрый. Ещё не хватало, чтобы ассоциацию обвинили в смерти организатора.

— Знаете что? — улыбается Ума, — я с самого начала турнира хотел узнать: на что способен офицер нобилити.

И юноша бросается в атаку...

016

«И вот оно — очередное аудио-письмо. Кстати, почему письмо? Помню, кто-то мне объяснял лингвистические нюансы... да не важно. Если ты это слушаешь — я тебе не перезвонил. Ладно, серьёзно, я бы перезвонил, если что. Скорее всего. Наверно.

Надеюсь, ты не собираешься прослушать все сообщения за один день. Я ведь не просто так разделил свои послания. И если ты всё же решила не откладывать эти письма на потом и проглотить всё за раз, то знай: ты — трудоголик. Да ты и сама это знаешь... ну, что ты трудоголик... если ты трудоголик. Забудь.

Тебе может быть интересно: зачем я нагнетаю обстановку своими почти прощальными сообщениями. Если я так волнуюсь, если мне грозит опасность, то почему бы не отступить? Знай: мне просто не спится, и я решил оставить тебе эти записи.

И всё же, если ты спросишь меня о моей неспособности отступить, то я не смогу ответить так, чтобы тебе понравилось. Тут нет проблемы, которую стоит рассматривать. Моя позиция будет ближе к тому, что я просто решил так сделать. Но только не надо приписывать ко мне эти отвратительные словечки о гордости, чести и желании что-либо доказать. Мне нечего доказывать: это никогда не приводит к чему-либо хорошему...

В прошлом у меня было множество моментов, когда хотелось отступить, сдаться, или же

просто отдохнуть. Вероятно, даже ты иногда бралась за дело, которое не могла довести до конца. Из-за лени, хотя нет, никто не признает лень причиной своего решения. Скажем: у тебя не было достаточно свободного времени. Хм. Тут фишка не в том, что нужно иметь силу воли, чтобы заставлять себя что-либо делать, и не в том, что нужно ежедневно противостоять своей слабой стороне — лени...

Для меня концепция отношения людей к лени выглядит ошибочной. Лень — это не слабость. Она сильна, невероятно сильна, слабым же является человек. Лень показывает нам изо дня в день, насколько мы слабы и мы виним её за это. Но стоит ли? Желание отдыха спасает нас от переутомления — лень куда более материальна, чем пресловутая любовь. Хотя бы потому, что она постоянна. Это неотъемлемая часть нас самих, что дарует нам наркотический эффект отдыха. Её не нужно проклинать или ненавидеть. С ней бессмысленно бороться, потому что рано или поздно ты сломаешься. Её нужно принять, полюбить так же, как и любую другую часть себя. Только не стоит прикрываться этим как оправданием того, что ты стал её рабом. С ленью можно договориться, лень можно обмануть. Хотя бы потому, что она — часть тебя, а себя люди обманывать не переставали. Главное — не обманываться тем, что ты можешь её одолеть...»

Нужно было вставать. Нужно было оторвать себя от прохладных объятий пола. Нужно было сфокусироваться на одной единственной цели, что заставит тебя упереть ладони в пол и все свои силы и эмоции направить на то, чтобы вопреки желанию гравитации оторвать себя от поверхности. Сантиметр за сантиметром, бесконечно мучительным подъёмом, когда бессилие учит тебя новому пониманию жизни, когда руки трясутся, отказываясь подчиняться воле, что уже готова проиграть ... Мальчишка встаёт, утирая с лица кровь. Он не помнил, как он это сделал, и сколько времени это могло занять. Мальчишку мучает тошнота, ноги подкашиваются, голова идёт кругом... безумно хочется спать... а перед ним всё так же выплывает бездумное создание, что всегда готово к очередному раунду. Парнишка не может сдвинуться с места, и Варфоломей решает атаковать первым

Тренировки во всём своём разнообразии сплетались в единую нить тяжёлых будней. В скором времени ученик уже не видел большой разницы между стоном растущих мышц от воздействия повышенной гравитации и скрипом суставов во время гимнастической растяжки. На самом деле развитие гибкости он не любил больше всего. Потому что и работа с утяжелителями и с манекенами была ограничена количественным исполнением. Растяжка же, по сравнению с остальными днями насилия над своим телом, была бесконечной мукой бездействия. Но так было надо. Ему нужны были максимально эластичные мышцы. И ему нужен был отдых. И как же наставник не мог не объединить эти две функции? Тем не менее, ученик продолжал тянуться к обозначенной цели. Ему нужно было как можно скорее закончить подготовительный этап тренировок и окунуться в мир реальной силы...

Ноги — основа всего. Нужно было до слёз бессилия отрабатывать шаги, пока устойчивость и баланс не превратят тебя в непоколебимое продолжение окружающего мира. Икры — скорость. Поясница — устойчивость и скорость. Объединяем икры и поясницу, для преодоления пределов способностей уклонения и перемещения. Руки — сила, руки — защита, руки — оружие. Пальцы — жизнь, пальцы — смерть. Тренировать по отдельности каждую часть своего тела. Тренировать всё своё тело за раз. Не тренировать тело. Тренировать разум, дух, восприятие... Всё это было одинаково сложно. Всё приносило свои плоды. Было сложно. Очень сложно. Но ученик нашёл способ продолжать, нашёл способ вставать по утрам. Главное — увидеть происходящее под правильным углом. Ему не нужно было хотеть этого делать. Не нужно было лишний раз визуализировать результаты своей деятельности. Он просто обманул

себя. Тренировки должны были стать чем-то естественным. Нельзя было оглядываться на количественный результат. Как приём пищи, как сон или прогулка. Мучительное изменение своих возможностей — всего лишь обыденная рутина безмерного проживания очередной жизни. Как получить наибольшее удовольствие от приёма пищи? — сжечь калории на тренировке. Когда сон наиболее приятен? — когда усталость от тренировок отбирает у тебя реальность. Добавить к этому каплю мотивации в виде спаррингов с постепенным повышением уровня сложности АГ — и реальность воздаёт должное за все твои старания...

<http://tl.rulate.ru/book/8500/161438>